

ЛИТЕРАТУРА

- Analecta 1995 = *Analecta Indoeuropaea Cracoviensia Ioannis Safarewicz Memoriae Dicata*. Edenda curavit Wojciech Smoczyński. Cracoviae: Universitas, MCMXCV.
- Bidwell C.E., 1961: The chronology of certain sound changes in Common Slavic as evidenced by loans from vulgar Latin, *Word*, 17. 105–127.
- LgB 4 = Smoczyński W. (ed.), *Linguistica Baltica*, 4. Kraków, 1995.
- Otrębski J., 1965: *Gramatyka języka litewskiego*, t. II: *Nauka o budowie wyrazów*. Warszawa.
- Vanagas A., 1970: *Lietuvos TSR hidronimų daryba*. Vilnius.

Валерий Чекомнас
Вильнюс

E-mail: cekm@post.omnitel.net

CHRISTIAN HANNICK (Hg.), *Kanzleiwesen und Kanzleisprachen im östlichen Europa*. Köln–Weimar–Wien: Böhlau, 1999. 232 S. ISBN 3-412-13897-5. (Archiv für Diplomatik, Schriftgeschichte, Siegel- und Wappenkunde. Beiheft 6.)

Языки канцелярий отнюдь не относятся к числу излюбленных предметов, изучаемых лингвистами, хотя в них часто содержится важный материал по истории языка. Поэтому большой заслугой Кр. Ханника является то, что он, будучи еще профессором славистики Трирского университета, организовал международный симпозиум на эту тему (7–10 октября 1991 г.). Большинство докладов, прочитанных на симпозиуме, в обработанном виде изданы издательством Бёлау в сборнике под названием *Канцелярии и канцелярские языки в восточной Европе* (на немецком или французском языках).

Деять статей, входящих в сборник, посвящены русскоязычному и южно-восточноевропейскому православным ареалам, в которых канцелярии создавались, в основном, по византийскому образцу. Организатором симпозиума были сознательно исключены из рассмотрения канцелярии, находившиеся под западноевропейским влиянием, как, например, в Венгрии или Польше. Кроме описания исторического контекста и значения канцелярий в церковной и государственной сферах Византии, Сербии, России, Молдавии, Османской империи и Южной Хорватии, другим центральным вопросом статей является язык, на котором были написаны документы, составленные в них. При этом рассматривалась не только зависимость формы документов от иностранных, в основном, византийских, образцов, но и значение той или иной разновидности канцелярского языка для дальнейшего развития национальных литературных языков.

Реферат Хервига Вольфрама *Политическая теория и нарративные элементы в документах* (Herwig Wolfram, *Politische Theorie und narrative Elemente in Urkunden*, с. 1–24), открывающий сборник, вводит читателя в тематику симпозиума. В своей статье венский историк исходит из формальных аспектов в документах и указывает на важность особенностей оформления для их исторической классификации и определения их функций. Он берет за образец документы раннего и зрелого средневековья и демонстрирует на их примере значимость вводных частей (*Intitulatio, Arenga*) для интерпретации

конкретного исторического контекста, в котором они содержатся. Далее он подчеркивает значение внешней формы и различных украшающих элементов в этих документах для понимания психологии и вкусов того или иного заказчика.

Доклад Любомира Максимовича *Канцелярии сербских властителей* (Ljubomir Maksimović, *Das Kanzleiwesen der serbischen Herrscher*, с. 25–54) посвящен одной из наиболее важных канцелярий Юго-Восточной Европы. Автор констатирует неудовлетворительное положение с материалом в этой области, делающее в данный момент невозможным подробное сравнительное описание истории этой канцелярии. По этой причине он ограничивается в своей работе, в основном, периодом династии Стефана Неманьи. Из его работы становится ясным, что, несмотря на очевидную зависимость от Византии, обусловленной православной верой и тесными историческими связями, Сербия и ее канцелярии во многом находятся как бы между Византией и Западом. Влияние обеих культурных сфер здесь сочеталось, давая начало новым формам. Центральной темой изложения является описание типов королевских документов в Сербии и правил их написания; автор показывает, в частности, что наряду с заимствованными образцами, среди них можно найти и автохтонные элементы.

Деятельность другой важной канцелярии православного мира рассматривается в докладе Владимира Водова *Канцелярии русских великих князей в средневековье: гипотезы и факты* (Vladimir Vodoff, *Les chancelleries des princes russes au Moyen Âge. Hypothèses et réalités*, с. 55–68). В нем, в частности, затрагивается вопрос об институциональной наследственности канцелярий Киевской и Московской Руси. Автор полагает, что генетическая связь между ними не исключена, поскольку в последней сохраняются некоторые старые элементы (например, крестоцелование), но возможно также, что в восточной Руси сложилась своя собственная традиция. Об этом особенно наглядно свидетельствуют названия *дьяк* и *печатник*, не имеющие в западных канцеляриях аналогов по полномочиям соответствующих должностей. Окончательное решение данной проблемы затрудняется тем, что “эпоха документов” на Руси начинается только в XV веке.

Доклад Ф.Б. Полякова *Митрополитская грамота в агиографической ретроспективе московского барокко: Евфимий Чудовский и житие митрополита Алексия* (Fedor B. Poljakov, *Die Metropolitan-Urkunde in der hagiographischen Retrospektive des Moskauer Barock: Evtimij Čudovskoj und die Vita des Metropolitan Aleksij*, с. 69–86) посвящен интересному аспекту московской “культуры барокко”, а именно, интересу к своим собственным средневековым традициям. В связи с этим, полагает автор, возрастает внимание и к старым документам. Одним из доказательств такого обращения к прошлому являются интенсивные занятия монаха Евфимия из московского Чудовского монастыря документами митрополита Алексия, детально описанные в этом докладе.

Матей Казаку в докладе *Канцелярии валашских и молдавских княжеств (XIV–XVIII вв.)* (Matei Cazacu, *La Chancellerie des principautés valaque et mol-*

dave (XIVe–XVIIIe siècles), с. 87–128) показывает, что особенное положение румынских княжеств между Центральной, Средневосточной и Юго-Восточной Европой отразилось и на стиле их канцелярий. Для славистов особенно интересен тот факт, что 95% сохранившихся грамот XIV–XVII вв. написаны на славянском языке и содержат ценный материал по истории болгарского языка. После обзора разнообразия и объема сохранившихся грамот (около 30 000 единиц) автор описывает организацию канцелярий, форму актов, печати и культурное значение этого учреждения для румынских княжеств. Обширная библиография, состоящая большей частью из румынских работ, включает этот содержательный и богатый по материалу доклад.

Как отразилось падение Константинополя на деятельности старейшей и почтеннейшей православной канцелярии попытался показать Кристиан Ханник в своем докладе *Традиции и новшества в канцелярской практике патриарха Константинопольского в поствизантийскую эпоху* (Christian Hannick, *Tradition et innovation dans les usages de la chancellerie du patriarcat de Constantinople à l'époque postbyzantine*, с. 129–142). Выполнению этой задачи в полном объеме препятствует то, что до сих пор не существует систематических работ о канцеляриях поствизантийского периода. Поэтому автор вынужден был ограничиться исследованием корреспонденции, возникшей в рамках становления болгарского экзархата в XIX в. Документы из этой переписки он сравнивает с сопоставимыми актами византийской эпохи и выясняет, что документы с каноническими предписаниями практически не содержат изменений по сравнению со старыми, в то время как в документах на общие темы, по крайней мере в тех из них, которые написаны на славянском языке, есть изменения и некоторые признаки деградации формы.

История канцелярий в Восточной, и особенно, в Юго-Восточной Европе будет неполной, если не учитывать значение Османской военно-феодальной верхушки в этой области. Освещению последней проблемы посвятили свой доклад Ирене Белдичяну-Штайнхер и Никоара Белдичяну *Османские документы в связи с Юго-Восточной Европой (конец XIV–начало XVI вв.)* (Irène Beldiceanu-Steinhert et Nicoară Beldiceanu, *Documents Ottomans en rapport avec l'Europe du sud-est (fin du XIVe–début du XVIe siècle)*, с. 143–174). В нем систематически рассмотрены многочисленные принципиальные аспекты османского канцелярского аппарата: различия в документах в зависимости от заказчика и адресата, структура канцелярского аппарата в целом, типы документов и их структура, причем подробно описываются и языки, использованные в них. В то время, как на турецком писались документы для внутреннего пользования, в письмах в иностранные державы использовались славянский, греческий, латынь, итальянский, немецкий, арабский, а также персидский языки. Однако познания писарей в иностранных языках зачастую оставляли желать лучшего. Это показали исследования документов, написанных по-гречески, аналогичного анализа славяноязычных актов пока еще не существует.

В докладе Ивана Педерина *Языки канцелярий в Южной Хорватии до наполеоновских войн (1409–1797)* (Ivan Pederin, *Die Kanzleisprachen in Südkroatien bis zu den Napoleonischen Kriegen*, с. 175–186) речь идет о находившейся под венецианским правлением Далмации. Автора интересует структура этого учреждения, созданного в XV в. по венецианскому образцу и организованная в соответствующем стиле бюрократической практики. Помимо документов, написанных преимущественно на латыни, писались грамоты и на хорватском языке — для того, чтобы сделать доступными эти документы для простого народа. Таким образом, хорватский язык, наряду с латынью и позже — итальянским, издавна использовался для составления документов и иных управленческих нужд, и письменность этой эпохи представляла собой исходную точку для развития современного хорватского литературного языка в XIX в.

После распада Османской империи и с началом формирования современных национальных государств в Юго-Восточной Европе, ситуация в бюрократической корреспонденции как показывает Гуннар Херинг в своем докладе *Канцелярский аппарат Сербии и Греции в первой половине XIX в.* (Gunnar Hering, *Das Kanzleiwesen Serbiens und Griechenlands in der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts*, с. 187–220) изменилась в корне. Оба названные государства вынуждены были отрегулировать официальную корреспонденцию для своих вновь создаваемых бюрократических аппаратов и создать с этой целью новую бюрократическую и юридическую терминологию на основе формирующихся новых литературных языков. В ходе этих реформ приходилось решать различные языковые проблемы; так, с одной стороны, было стремление заменить чужие и устаревшие турцизмы своими названиями, а с другой, необходимо было решить вопрос о том, продолжать ли при создании новой терминологии традиции своих литературных языков или отталкиваться от разговорного языка. Наряду с этими сходствами, обусловленными длившейся несколько столетий общей судьбой балканских народов, между историей развития канцелярий в Сербии и Греции, как показывает детальный обзор, представленный Херингом, существуют также многочисленные различия.

Заключает этот важный сборник, отражающий новейший уровень изучения данного предмета, реестр имен, в какой-то мере заменяющий отсутствующую совместную библиографию. Каждый исследователь, занимающийся канцелярским языком и канцелярским аппаратом в Восточной Европе, сможет здесь многое почерпнуть для себя. Бесспорно, полезным было бы рассмотрение на данном симпозиуме и великокняжеской канцелярии Великого княжества Литовского, так как она является важным связующим звеном между канцеляриями западного и восточного образца, а также имеет немаловажное значение для истории восточнославянских языков. Очевидно, отсутствие доклада на эту тему объясняется теми ограничениями в тематике симпозиума, о которых говорится в предисловии к рассматриваемому сборнику.

Клаус Штайнке
Эрланген